

комплекса, создаются технологии оружия массового поражения, применение которых опасно для всего человечества. В СМИ неоднозначно, с использованием «двойных стандартов» освещаются важные события политического и общественного характера. Активно рекламируется деятельность нетрадиционных и оккультных организаций и принижается роль традиционных религий. Интернет заполнен различной эзотерической литературой сомнительного, иногда даже опасного содержания.

«Появление информационных технологий практически стёрло разницу между авангардом и массовой культурой, искусством в его классическом понимании и его противоположностью – андеграундом, сделало для них одни совместные формы рекламы и раздачи пользователям» [2]. Возникают проблемы с соблюдением и авторских прав.

Таким образом, современное информационное пространство фактически открыто для всех. Это обстоятельство имеет как положительные, так и отрицательные последствия. На наш взгляд, информационная культура общества должна развиваться на основе позитивных современных технологий. Для этого необходимо создать правовую базу, которая будет регулировать правовые отношения в получении, сохранении и распространении информации в сети, препятствовать распространению дезинформации, клеветы, и ввести ответственность за достоверность и точность распространяемой информации, не допускать монополии медиа корпораций в масс медиа, привлекать к ответственности тех, кто нарушает принципы информационной культуры.

Список источников

1. Ширшов, Е.В. Информация. Образование, дидактика, история, методы и технологии обучения / Словарь ключевых понятий и определений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://monographies.ru/ru/book/section?id=13602>. – Дата доступа : 11.11.2020
2. Анисимов, А.С., Агеева, М.А. Информатизация как фактор развития культуры / А. С. Анисимов, М.А. Агеева / [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-kak-faktor-razvitiya-kultury>. – Дата доступа 12.12.2020.

В.Н.Семенова, заведующий кафедрой
vl.semenova@gmail.com
РИБШ (Минск)

<http://edoc.bseu.by/>

**В.Н.Семенова. К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ПОЗДНЕГО
МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ**

Ощущение и ожидание кризиса и разрушения западной культуры и цивилизации с последней трети XIX в. только усиливалось, а события Первой мировой войны для многих мыслителей стало точкой бифуркации. Западная культура оказалась в критическом неустойчивом состоянии, а послевоенная неопределенность достаточно быстро перешла в хаотическое состояние, сопровождавшееся социально-политическими трансформациями: революциями и установлением авторитарных и тоталитарных режимов.

Поэтому возникновение термина «постмодерн» не случайно. Термин появляется для обозначения объективно назревшего периода, связанного одновременно с трагическим разрывом и несмелой попыткой преодоления существующего настоящего, современного порядка вещей [1, с. 136]. Немецкий писатель и философ-эссеист Рудольф Панвиц, испытавший глубокое влияние философии Ницше, учившийся у Г. Зиммеля и входивший в круг поэта Ш. Георге, автор многочисленных эссе о кризисе европейской культуры, в одноименном эссе 1917 г. вводит понятие постмодерна как предчувствие времени после «конца истории».

Четких и однозначных хронологических рамок термин «постмодерн» не имеет, им могли бы быть обозначены совершенно различные исторические эпохи, рассматривающие себя пришедшими на смену той или иной современности. Обозначить четкий и однозначный переход от модерна к постмодерну представляется маловероятно, что позволило ряду авторов полагать, что «у каждой эпохи есть свой постмодернизм» (У. Эко), или ссылаться на условные границы перехода к постмодерну, обозначающему «...отрезок исторического времени, хронологически начавшийся с кризиса индустриального общества и протирающийся в будущее» [1, с. 136].

Не обладая четкими хронологическими параметрами, термин «постмодерн», тем не менее, задает определенное смысловое звучание.

Во-первых, постмодерн – это то, что еще не наступило, поскольку оно предполагается «после» современности, то есть после того, что есть сегодня (некое перманентное «завтра»).

Во-вторых, однако, это не отдаленное необозримое будущее, а то, что вот-вот ожидаемо, фактически «витают в воздухе»; то есть не отложенное завтра, а которое наступает «на пятки» уходящему сегодня.

В-третьих, приставка «пост» фиксирует не только временной разрыв, но одновременно парадигмальный разрыв с существующим модерном. Постмодерн заявляет не просто об отрицании модерна, но о преодолении модерна («после» – это то, что пришло на смену завершенному модерну).

Появление термина «постмодерн» в начале XX в. и закономерно, и символично. Стремительно назревающий кризис оснований модерна, западной культуры и христианской цивилизации затрагивает все сферы общества и человеческого существования. Немецкий консерватор О. Шпенглер рассматривает мировую войну как агонию западной цивилизации, как рубеж, за которым следуют необратимые процессы. Этап цивилизации в развитии западной культуры, соотносимый хронологически с

модерном, завершается деградацией, разрушением и смертью, в результате чего западная культура прекращает свое существование. Постмодерн у Шпенглера представляет собой завершающую стадию деградации и распада сложных форм на примитивные простые элементы, вторичное состояние дикости. За границами модерна приблизительно с 2200 г. находится феллашизация – «медленное воцарение первобытных состояний в высокоцивилизованных условиях» [2, с. 200].

В исторический и культурологический дискурс термин «постмодерн» попытался ввести А. Тойнби, который в 1939 г. постмодерном обозначает этап, начавшийся после завершения Первой мировой войны. После окончания Второй мировой войны в 1954 г. в восьмом томе «Постижения истории» Тойнби переносит начало постмодерна на последнюю треть XIX в. (франко-прусская война), но негативная характеристика постмодерна сохраняется. Если в эпоху модерна у власти находится буржуазия и средний класс, порожденные самим модерном, то в постмодерне, согласно Тойнби, средний класс утрачивает бразды правления, его место постепенно занимают промышленные рабочие, усиливается влияние незападных элит, пытающихся получить «секреты» модерна и обратить их против западной цивилизации. В качестве примера подобных тенденций Тойнби приводит Советскую Россию и маоистский Китай.

В литературоведении термин «postmodernismo» в 1934 г. употребил испанский литературовед Федерико де Онис в своей «Антологии испанской и латиноамериканской поэзии» для обозначения сугубо литературного течения – реакции на модернизм. Тем не менее, употребление знаковое – в 1934 г. и в Европе, и, тем более, в самой Испании, назревают изменения не только в сфере культуры, но и в политике.

Таким образом, в первой трети XX в. предчувствие радикальных изменений, затрагивающих фундаментальные основания западной культуры и цивилизации, оформились практически во всех культурных формах (живопись, поэзия, музыка, литература), философии и науке. Те изменения, которые фиксировались и обозначались термином «постмодерн», были однако связаны с формированием нового этапа в развитии модерна – позднего модерна, хронологические границы которого, по мнению различных авторов, обозначены последней третью XIX в./ первой третью XX в. – последней третью XX в.

Новый всплеск интереса к постмодерну приходится на конец 50-х – 70-е гг. XX века. В этот период интерес к постмодерну как антитезе модерна связан с трансформацией социальной структуры западного общества, появлением контркультуры, нетрадиционных политических идеологий, политическими событиями того времени: созданием и применением ядерного оружия, «холодной войной» между СССР и США, созданием биполярной политической системы.

Американский социолог Чарльз Р. Миллс в работе «Социологическое воображение» (1959) в негативном значении сравнил постмодерн,

наступающий за эпохой модерна с Темными веками, пришедшими за Античностью. Вся предшествующая критика Миллсом американского общества и его культуры (в частности, работы «Белые воротнички: американский средний класс», 1951; «Властвующая элита», 1956) представляла собой критику новых форм постфордистского капитализма.

После окончания Второй мировой войны ощущение совершенно нового мира усилилось многократно. В 1951 г. американский поэт Чарльз Олсон в переписке с поэтом Робертом Крили описывает ядерное оружие и саму ядерную угрозу как конец модерна: «Дверь только что захлопнулась, биохимия – это пост-модерн» [3, с. 15].

Однако отметим, что до 60-х гг. XX в. в работах А. Тойнби, Ч. Миллса, представителей сферы культуры и искусства постмодерн предстает как завершающий этап развития внутри самой парадигмы модерна, фактически как «поздний модерн».

Во второй половине 60-х – 90 гг. XX в. произошло накопление критической массы в ощущении наступления постмодерна. В работах Р. Барта, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Г. Маркузе, П. Фейерабенда, М. Фуко, И. Хассана и др. происходит ревизия классической европейской философии и всей западной культуры с позиции ее критического анализа и преодоления доминирующих в ней положений и дискурсов.

В конце 70-х гг. появились концептуально нагруженные теоретические исследования, в которых авторами осознается, теоретически и концептуально оформляется и хронологически фиксируется парадигмальный переход. Наряду с другими, это работы Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979), Ф. Джеймисона «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» (1984), И. Хассана «Постмодернистский поворот» (1987). На рубеже веков появляются исследования, где постмодерн рассматривается как состоявшийся культурный феномен: Перри Андерсон «Истоки постмодерна» (1998), Терри Иглтон «Иллюзии постмодерна» (1996), Вольфганг Вельш «Разум. Современная критика разума и концепция трансверсального разума» (1995), «Наш постмодерный модерн» (2002) и др.

Параллельно разрабатываемая американскими социологами в 60-70-х гг. XX в. теория постиндустриального общества также фиксировала и описывала данный парадигмальный переход: от позднего модерна к постмодерну. Отметим в этой связи работы Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» (1967), Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), Э. Тоффлера «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980).

Таким образом, в последней трети XX в. в вопросе о наступлении постмодерна оформилось две тенденции.

Ряд авторов рассматривают постмодерн как «поздний модерн», кризисный и завершающий этап в самом модерне, который может завершиться как исчерпанием достижений модерна, так и восстановлением и укреплением его позиций.

Идея разделения внутри модерна «раннего» и «позднего» этапов характерна для таких авторов, как немецкий социолог Ю. Хабермас, британский социолог Э. Гидденс, российский политический философ А. С. Панарин, российский мыслитель А. Г. Дугин. У Ю. Хабермаса модерн воспринимается как жизнеспособный «незавершенный проект», который оказывается пролонгированным и превращается фактически в «поздний поздний» модерн».

Э. Гидденс в работах «Последствия Модернити» (1990), «Модернити и самоидентичность. Самость и общество в поздней современности» (1991) также отрицает переход к постмодерну, предлагая выделение в модерне позднего (высокого) модерна. Его специфика, полагает Гидденс, связана с «радикализацией» модерна. Если ранний модерн был связан и духовно, и институционально, с традицией, то поздний полностью порывает с рудиментарными остатками традиционного общества, занимая позицию саморефлексии над своими собственными основаниями.

А. С. Панарин анализирует исчерпание модерна и парадигмы Просвещения на примере позднего модерна: «Модерну предстоит либо подтвердить в новых условиях свой универсальный характер, действительно доступный для всех народов земли, либо быть похороненным под волнами нового варварства и борьбы всех против всех» [4, с. 13]. Противостоит модерну новый расизм глобализма, использующий потенциал демодернизации для установления эпохи неоархаики. В курсе лекций «Философия постмодерна» А. Г. Дугин выделяет «экстенсивный» модерн (XVI-XVIII вв.), который распространяет свое влияние вширь и занимается внешней экспансией, и «интенсивный» модерн (XIX-XX вв.), уходящий в глубинную рефлексию над своими собственными основаниями, видящий свои неудачи [5].

Вторая тенденция представлена не только традиционными теоретиками постмодерна Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ф. Джеймисоном, но и У. Беком, М. Кастельсом, П. Друкером, Ж. Аттали, З. Бауманом. Последний рассматривает «жидкое состояние», «общество текучей современности» как совершенно новый этап в истории современности [6, с. 30].

Таким образом, обращаясь к переходу от позднего модерна к постмодерну, в фокусе оказывается временной интервал с середины 60-х XX в. по первую треть XXI в., когда в результате информационной революции и формирования информационного сетевого общества происходит становление новой научной и культурной парадигмы, новых типов общественного и государственного устройства, формирование современного постчеловека.

Отметим, что с начала XXI в., особенно в эпоху становления информационного общества, формирования цифровой экономики и, в целом, цифровой трансформации всех общественных и индивидуальных сфер существования, осознание смены парадигм многократно усилилось не только в программных произведениях ведущих западных интеллектуалов, но и в сознании ординарного обывателя.

Таким образом, широкое употребление термина «постмодерн» в гуманитарных и социально-политических науках, использование его в научно-популярной, публицистической сферах, журналистики и социальных медиа, а также устойчивые корреляции данного понятия с понятиями «постиндустриальное общество», «информационное общество», «информационное общество», «сетевое общество», «глобальное общество риска» и проч. позволяет сделать вывод о том, что сегодня «постмодерн» представляет собой интегральную характеристику [1, с. 136], в которой зафиксированы цивилизационные черты рождающейся постсовременности.

Список источников

1. Ирхин, Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин // Полития. – 2006. – № 4 (39). – С. 136-161.
2. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 663 с.
3. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
4. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М. : Эксмо, 2003. – 416 с.
5. Дугин, А. Г. Философия постмодерна. Лекция 7. Феноменология: подрыв субъекта / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dugin.ru/video/filosofiya-postmoderna-lekciya-7-fenomenologiya-podryv-subekta>. – Дата доступа : 11.11.2020.
6. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

<http://edoc.bseu.by/>

Г.С.Соболевский, студент
sobolevskygleb@gmail.com
БГЭУ (Минск)

Г.С.Соболевский. ДУХОВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В XXI веке в эпоху мировой глобализации множество государств активно принимают курс развития и внедрения цифровой экономики. Его целью является повышение эффективности производственных процессов, технологий, организации общественной жизни, а также системы управления крупными городскими пространствами. Цифровая экономика становится для человека оцифрованной, переведенной в мир чисел, объективной и субъективной окружающей реальностью.